

Це відіграє головну роль у формуванні духовної культури молоді, оскільки сьогодні процес соціалізації молоді здійснюється передусім під впливом мас-медіа. Телебачення, радіо, преса, Інтернет транслюють у молодіжну аудиторію потік низькопробної продукції, що нав'язує негативні цінності та соціальні девіації (нетрудовий спосіб життя, насильство, злочинність, проституцію, наркоманію, сексуальну розбещеність).

Відтак для розуміння специфіки духовної культури молоді необхідно зрозуміти її у контексті того змістовного середовища – культури постмодерну – у якому вона формується і розвивається. Головне тут у тому, що культурний плюралізм, який вплинув на культуру ХХІ століття, стер грані між елітарною і масовою культурою. Особливістю постмодерну є відмова від бінарності, від елітарності. Всі елементи соціокультурного простору самоцінні і рівнозначні, всі вони органічно доповнюють один одного.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Вербець В. В. Теоретико-методологічні засади формування духовно-творчого потенціалу студентської молоді: Автореф. дис... д-ра пед. наук: 13.00.01 / В. В. Вербець. – Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. – К., 2005. – 40 с.
2. Борінштейн Є. Р. Особливості соціокультурної трансформації сучасного українського суспільства / Є. Р. Борінштейн. – Одеса: Астропринт, 2006. – 400 с.
3. Чопей В. С. Соціологічний портрет сучасного студента: основні тенденції розвитку: автореф. Дис.. канд. соціол. наук: 22.00.04 / В. С. Чопей; Нац. Пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. – К., 2010. – 17 с.
4. Манхейм К. Диалог нашего времени / К. Манхейм. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
5. Кон И. С. Открытие «Я» / И. С. Кон. - М.: Политиздат, 1978. – 386 с.
6. Блох Э. Тюбингенское введение в философию / Э. Блох. – Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та. 1997. – 487 с.

Борисова Татяна Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры «философии и политологии» Днепропетровская национальная металлургическая академия Украины (НМетаУ)

УДК 111.1 (09)

АНТИУТОПИЧНАЯ СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ.

Поднимаются вопрос выявления ключевых онтологических составляющих «философской утопии» и христианской культуры мышления. В результате проведения сравнительного их анализа определяется статус субъекта познания. Осуществляются попытки проведения демаркационной линии в осмыслении феноменов «утопичное мировоззрение» и «христианское мировоззрение».

Критикуются попытки рассматривать христианскую картину мира как широкоформатный утопический проект. Современное понимание утопии стоит ближе к видению в ней либо модели совершенства, либо альтернативы настоящему положению человека и состоянию всего мироустройства. Для западноевропейской культуры мышления характерна критическая позиция к действительному порядку вещей. Традиция отождествляет утопию и христианский идеал бытия человека и мира уже давно встретило разумную критику, как в идеализме, так и в материализме. Эта критика вышла за пределы и самой философской рефлексии.

Ключевые слова: мировоззрение, утопия, человек, христианство, Бог, реальность, истина, картина мира.

АНТИУТОПІЧНА СУТНІСТЬ ХРИСТІЯНСЬКОЇ КУЛЬТУРИ.

Піднімається питання виявлення ключових онтологічних складових «філософської утопії» та християнської культури мислення. В результаті проведення порівняльного аналізу визначається статус суб'єкта пізнання. Здійснюються спроби проведення демаркаційної лінії в осмисленні феноменів «утопічний світогляд» та «християнський світогляд».

Критикуються спроби розглядати християнську картину світу як утопічний проект широкого формату. Сучасне розуміння утопії стоїть ближче до бачення в ній, або моделі досконалості, або альтернативи дійсному стану людини та усієї світобудови. Для західноєвропейської культури мислення притаманна критична позиція до дійсного порядку речей. Традиція ототожнювати утопію та християнський ідеал буття людини та світу давно вже зустріла розумну критику, як в ідеалізмі так і в матеріалізмі. Ця критика вийшла за межі самої філософської рефлексії.

ANTIUTOPIA ESSENCE OF CHRISTIAN CULTURE OF THINKING.

Rise question of exposure of key ontological constituents of "philosophical utopia" and christian culture of thinking. As a result of realization of their comparative analysis status of subject of cognition is determined. The attempts of realization of line of demarcation come true in the comprehension of the phenomena "utopia world view" and "christian world view".

Attempts to examine the christian picture of the world as widescreen utopian project are criticized.

The modern understanding of utopia stands nearer to vision in her either models of perfection or alternatives to the present position of man and to the state of all world order. For a western culture critical position is characteristic to the actual order of things. Tradition to equate utopia and christian ideal of life of man and world already a long ago met reasonable criticism, both in idealism and in materialism. What be more this criticism exceeded supplies and to the most philosophical reflection.

Key words: world view, utopia, man, christianity, God, reality, truth, world picture.

Большинство современных философских публикаций представляют собой работы, задуманные с целью коснуться актуальных вопросов не только самой философской культуры мышления, но и оценочных аспектов духовно-практической деятельности человека и общества.

Ввиду такой цели намечена и тема данной работы. В предметном поле анализа будут рассматриваться *две основные проблемы*. Первая – это сама постановка вопроса о антиутопичном содержании христианского мировоззрения; вторая – посвящена ложному представлению об идеологической и культурно-исторической роли Богочеловека (Иисуса Христа) как «революционера-утописта» в социально-политическом толковании этого понятия.

Среди первоочередных *задач исследования* будут выдвинуты следующие:

- сравнительный анализ утопической и христианской картины мира;
- проведение демаркационной линии в осмыслении феноменов «утопичное мировоззрение» и «христианское мировоззрение»;
- выявление ключевых онтогносеологических составляющих «философской утопии» и христианской культуры мышления;
- анализ философско-методологической функции самой категории «утопия»;
- определение статуса субъекта познания в рамках христианского и утопичного мирозерцания.

Поскольку речь пойдет об основах мировоззрения, то очевидно, что в центре такого анализа, прежде всего, должно быть положено философское обоснование понимания «бытия» и соответствующее ему понимание «трансцендентного» и «имманентного». Прежде

чем идти дальше в рассмотрении этих вопросов, следует окончательно определиться с сущностью и природой самого понятия «мировоззрение». Появившись впервые в философии И.Канта, это понятие далее кочует в немецкий романтизм Ф.Шеллинга и постепенно начинает обрастать идеологическими смыслами. Позднее его будут стараться дробить на смысловые оттенки: морально-мировоззренческие, поэтические, религиозные, эстетические, синергетические. Однако, главной особенностью философского понимания «мировоззрения» есть его персонифицированность. Трудно себе представить личность без мировоззрения. Именно в нем находят свое отражение знания, ценности, чувства, цели и смысловые конструкции мыслящего индивида. Религиозное же мировоззрение, к каким мы относим рассматриваемое нами христианское – устанавливает связь человека с миром безусловных начал, что выступают сосредоточением всего существующего. Религиозное мировоззрение позволяет проявлять единство, цельность и согласие в жизни и сознании человека. Вместе с тем, оно все дела и страдания человека превращает из бесцельных и бессмысленных явлений в разумные, внутренне необходимые события. Несомненно, что такое всеобъемлющее и образующее смысл начало должно принадлежать религиозному началу в христианском его понимании. Жаль, но вместо того, что бы быть «всем во всем» оно прячется человеком в удаленные углы внутреннего мира, выступая одним из множества различных интересов. Все это способствует установлению сомнений в важности христианского вероисповедания для духовного развития личности и общества, а со временем порождает эпизодические упреки в утопичной природе самого христианства.

Проблема утопии – одна из основных в числе всех философских проблем человека, общества и мира. Историко-философская культурная традиция знакома со многими утопическими проектами, начиная от Платона с его «идеальным государством», Ф.Бэкона с его «Новой Атлантидой» и до сегодня. Утонченность в разнообразии и дерзость утопического мышления всегда выступали как «лакомый кусок» для философской рефлексии. Вообще об утопии можно говорить как с положительным акцентом, так и с отрицательным. Применительно же к нашей постановке проблемного вопроса: утопично ли христианство с предлагаемой ним картиной мира? Отметим, что такая формулировка уже сама по себе не корректна по отношению к христианской традиции миропонимания; тем более позитивное толкование утопичности христианской культуры мирозерцания нас не устраивает.

Следует отметить, что для всех трактовок, как положительного, так и отрицательного характера, а так же неизбежною основой и условием утопического поиска выступает осознанное недовольство действительностью. Критически настроенный ум воспринимает мир иначе, однако не стоит отождествлять такой критицизм с античным скептицизмом, утратившим надежду изменить и понять сущность человека и мира. Собственная задача философии и состоит в том, что бы заточить ум субъекта на критическое восприятие себя и мира. Иными словами нести культуру сомнения, которая не даст успокоиться ни на чем достигнутом, даже очень хорошем, потому как есть глубокая уверенность в возможность лучшего. Оправдано ли это ожидание? Вопрос риторичный.

Для западноевропейской культуры характерна критическая позиция к действительному порядку вещей. Признание трансцендентного бытия высшим и независимым началом во многом и обуславливало в философской культуре мышления эту критическую позицию.

Современное понимание утопии стоит ближе к видению в ней либо модели совершенства, либо альтернативы настоящему положение человека и состоянию всего мироустройства (идеологического, социального, политического, экономического). Как мы видим само понятие «утопия» качественно изменяется в свете нынешних дней. Если утопия – это последовательное описание воображаемого, локализованного во времени и пространстве общества, построенного на альтернативной культурно-исторической гипотезе, тогда как с этим соотносится христианство? И соотносимы ли они в принципе?

Утописты в своей культурно-гносеологической установке исходят из изначального

допущения «если бы...». В то время как в истории христианства и его картины мира этих допущений нет. Бытие Бога, Искупительная Жертва Христа и строительство богочеловечества – это онтологические события. Никакими философскими приемами уже не спасти идею утопичной природы христианского миропонимания.

Все лучшее в этом мире совершалось и совершается в духе антиутопии. Абсолютного и окончательного ответа на эти проблемные вопросы данная работа не предоставит, как не предоставит его никакая другая работа. Поскольку ответ лежит в иной плоскости мышления – опыта богопознания. Евангелие – это не литературно-художественный проект. И даже если отважится поддать сомнению его историческую достоверность, то и тогда оно не выглядело бы утопией ни по форме ни по содержанию. Потому как Святое Письмо учит тому, как должно поступать, а не как могло бы быть «если бы...».

Новозаветная истина говорит не только о фактах евангельской истории, но и содержит в себе учение Христа, поскольку нравственная жизнь человека является жизнью сознательной и разумной. Довольно сложен вопрос о разграничении понятий «утопия» и «идеал». Считаем его важным аспектом в рамках более широкого вопроса о месте и роли христианских идеалов в современной культуре мышления. В одной из работ К.Мангейма «Идеология и утопия» автор приводит такие слова: «Утопичным является то сознание, которое не находится в соответствии с окружающим его «бытием» [3; с. 113].

Таким образом, вырисовывается антиномия – философская утопия и идеал христианского миропорядка, которые так интересны для культуры и истории XXI века, должны разрешаться не столько в плоскости социально-экономического реформирования, сколько путем культурного возрождения традиционных христианских ценностей и духовного обновления в целом.

Философское утопическое сознание в переживании и деятельности ориентировано на факторы, реально не содержащиеся в этом бытии. В то время как христианское мышление не мыслит бытия человека и мира без Бога и вне Бога, что есть трансцендентная реальность, но она имеет и имманентную основу в сущностной природе человека.

Потому традиция отождествлять утопию и христианский идеал бытия человека и мира уже давно встретило разумную критику, как в идеализме, так и в материализме. Более того эта критика вышла за пределы и самой философской рефлексии. Даже в онтогносеологическом и философско-методологическом срезе этой проблемы соединение этих понятий (утопии и христианского идеала) выглядит по существу для нас насильственным и не корректным. Не приходится искать и дополнительной причины обоснованию этой мысли, поскольку ответ очевиден.

С методологической точки зрения противопоставлением утопии и христианского идеала мыслящему уму следует пользоваться осмотрительно и осторожно. На предварительной стадии анализа оно может способствовать некоторой ясности и четкости их разграничения. Однако, если пытаться гипостазировать это противопоставление, то христианскую картину мира следовало бы воспринимать, как «духовный град», что возводится в душах человеческих. Для нашего анализа важно не только дать ответ на вопрос о критериях антиутопичности христианства, но и понимание необходимости отказаться в дальнейшем от использования слова «антиутопия» применительно к христианскому мировоззрению.

Тайна христианских заповедей и ценностей находит свое решение в их достижимости для всех и каждого. В утопических построениях этого нет, там есть место лишь идеализации иного бытия. Можно предположить, что ложно понятый утопизм ценностей приводит к революции в сознании, а революция в мировоззрении – это всегда трагедия для личности и сообщества людей.

Не секрет, что одна из фундаментальных функций философии заключается в том, что бы в интеллектуальном пространстве непрерывно поддерживать рефлексивные акты мышления. Мыслительный процесс, таким образом, словно выступает гарантом такого же непрерывного стремления человечества к совершенству. Очевидно, что философия

справляется с этой культурно-социальной функцией, потому как каждый раз формирует новую интеллектуальную утопию. На основе последней, в свою очередь, базируется и новая интеллектуальная платформа для критического отношения к прошлым достижениям культуры. Не всегда за этим стоит пересмотр существующих ценностей. Хотя опасность их тотальной ревизии и отказ от них в дальнейшем может содержаться в философских утопиях.

При этом следует помнить, что трансформация ценностных основ человечества не должна вести к угрозе для культуры и морали. Не стоит забывать, что сами смыслы и ценности могут помещаться внутри культурного пространства как утопии так и христианской картины мира, однако благодаря этому размещению они могут утратить или усилить свое истинное значение. Конечно, познавательные результаты всегда ограничены. Сколько бы человек ни знал, он знает не достаточно. Потребности же человека как существа мыслящего и его жадное стремление к счастью и истине – безграничны, выразителем и того и другого выступает само мировоззрение человека. Идеально сконструированные образы мира в утопическом проекте неизбежно возникают в рамках собственного философского стремления автора утопии к абсолютной истине, как он ее видит и понимает.

В этом и прячется угроза для культуры. Субъективный фактор претендует на объективную истину. В результате появляются такие «борцы-бунтари» за мир с самим миром как Ф.Ницше, К.Маркс, З.Фрейд, Е.Фромм и др. Возникает вопрос: сможет ли противостоять таким субъективным «креативным проектам» (культурным сценариям) наша культура? Сможет ли она осознать до конца всю остроту вызова в лице воинствующего нигилизма, гуманизма и антропоцентризма? Или погрязнет в самоанализе и пустословии? Стоит вспомнить слова современного мыслителя А.Гусейнова о том, что отказ от абсолютной морали чреват тем, что за абсолютную может выдаваться любая относительная ценность. Консервативно ориентированная в рамках христианской традиции мысль и сегодня ставит перед собой задачу возвращения человека в лоно культурных традиций. Потому так важна постановка вопроса об ответственности за авторские утопические проекты. Ответственность не снимается не только с тех, кто продуцирует утопии, но и с тех, кто их принимает как идеалы. Соблазненная идеями эвдемонизма западная культура утверждает, что человек создан для счастья. Всемирно известный украинский писатель М.Гоголь отрезвляюще отвергает этот постулат; глубоко осознавая, что отсутствие ответственности за ближнего и за свои дела по отношению к нему проистекают от недостатка любви к ближнему.

Гносеологически важным моментом в понимании утопии выступает способность самой утопии конструировать в сознании субъекта «чуждую» ему действительность, которая, преобразуясь частично или полностью, подрывает существующий в данный момент имманентный и трансцендентный порядок вещей.

Можно ориентироваться на трансцендентные бытию факторы и, тем не менее, сохранять существующий порядок вещей. Утопичной будет считаться ориентация, если она направлена на уничтожение существующей «структуры» бытия. Даже в силу этого обстоятельства, Христос не может пониматься верующим разумом как революционер. Поскольку он явился людям не изменить Закон, а исполнить его. Как отмечает К.Смирнов в своей работе «Имманентное христианство», исторически евангельская идея открылась миру словно молния, что блеснула от края и до края в определенном направлении с Востока на Запад, а не как бесчисленное множество светильников, что были расставлены по миру и дарят свет в различных направлениях.

Сама попытка философски определить значение понятия «утопия» могла бы служить примером того, сколь много дефиниций в области историко-философского и религиозно-философского мышления отражают состояние и перспективу человека, определяют глубину его мыслящей позиции, систему ценностей, что коренятся в сфере духовно-практического опыта жизни. Потому так важен вопрос об не тождественности христианских идеалов и философских утопических проектов. Уже одно то, что как каждое понятие определяется, и какой оттенок их значения проступает при их использовании – предрекает до известной степени конечный результат осуществляемого сопоставления (точнее противопоставления).

По нашему глубокому убеждению аналитическое сопоставление возможно только как сопоставление-противопоставление.

Признаем, что не случаен факт сознательного или бессознательного использования субъектом познания широкого и слабо определяемого понятия «утопия». Этот момент лишь герменевтически намекает исследователю на возможность и необходимость принципиально важного разграничения «абсолютно неосуществимого» и «относительно неосуществимого». В христианской системе ценностей содержится призыв к богосыновьему сознанию человека, указывает на вечное в человеке, утверждает в нем некую абсолютность, доступную человеку через его обожение. Не желание это принимать, сославшись на тот, что само христианство – это широкоформатная культурно-историческая утопия – объясняется многими обстоятельствами и причинами. Одно из них – это не желание самого субъекта познания выходить за рамки существующего бытийного положения себя и других. На этой стадии христианская система ценностей рассматривается человеком как недостижимая и неосуществимая вообще. В результате чего со временем вся христианская картина мира постулируется в светской культуре как чистейший утопический проект, с которым не всегда можно мириться.

Христианское мировоззрение – это, по большому счету, духовное творчество верующей личности. Утопический проект мало похож на духовное и подвижническое творчество. Поэтому, всякий раз, когда мы имеем дело с духовным творчеством, с духовной жизнью, а не с вымышленной системой иного бытия, мы имеем право на имманентное постижение по закону духовного родства.

Все выше изложенное наталкивает на следующие выводы.

1. Об утопии и о христианском идеале можно и должно говорить как о предмете философской рефлексии. Однако, эпистемологическое отдаление предмета исследования на расстояние истории будет полезным так же для выявления его исторической роли, но при этом будет неуместным при изучении его внутренней природы. Многие годы изучения христианского мировоззрения в такой способ не дадут его глубокого понимания, потому, что нет внутренней опоры для него. Бытует мысль о том, что «зерно» понимания веры всегда дано в опыте собственной духовно-практической жизни. Саму утопию в такой способ познать не получится.

2. Следует избегать односторонней критики самого понятия «утопия», взятого без соотнесения с христианским мировоззрением. Зачастую упускается амбивалентный и метафоричный характер утопического вдохновения. Так уж устроена человеческая природа, что утопии в культуре создаются одновременно под действием различных порывов (отчаяния или надежды). Чем больше разочарований, тем больше причин надеяться. Утопический образ будущего словно предполагает наличие ужаса в настоящем. В этом случае была интересной постановка вопроса об эсхатологической перспективе любой философской утопии и христианской картины мира. Есть ли эта эсхатологическая перспектива у каждой из них?

Как убеждает нас история, мыслимое и желанное нами благо в будущем сопряжено в нашем сознании с кошмарами и трудностями на пути к нему. Если смотреть на любую философскую утопию как на естественное отчаянное бегство от невыносимого настоящего, то даже в этом случае сам утопия не может стать на одну ступень с христианской картиной мира. Потому как в христианской культуре не прописано «бегство» от жизни и капитуляция перед ее сложностями. Все изломы, трагедии, несчастья личной судьбы и жизни общества преодолеваются духовным подвигом человеческого духа. Именно человеческий дух включает в себе смирение, кротость, борьбу со злом в себе, крепкое стояние в вере и жертвенную любовь к ближнему.

3. Было бы ошибкой считать, что утопия практически не содержит в себе анализа существующего порядка, который она изобличает и осуждает. С философской точки зрения утопию можно свести к методу или способу. В результате чего окажется, что она инструментальна по своей сути и потому лишена онтологической самоценности. На самом деле понятие «утопия» вполне положительна для нашего анализа. Пользоваться нею – не

значит удовлетворяться «полуправдой», а значит позвать правду с ее помощью.

4. Утопист искренне стремится разбудить в человеке его способность критически мыслить об актуальном состоянии человека и мира, но в этом случае сам утопист не больше чем идеолог нового порядка. Именно идеолог, а не Богочеловек, как Христос.

5. Утопия, в отличии от богооткровенного характера христианства, не способна предложить человеку окончательной победы жизни над смертью.

6. Следует отметить поверхностный антропоцентризм философских утопий в истории культуры. В то время как в христианской картине мира о человеке говорится с большей онтологической полнотой, что углубляет и ее антропоцентризм. Именно христианская культура мышления не просто задавала условия нашего бытия, а фактически им и стала.

7. В христианской картине мира постулируется не только вера и любовь человека к Богу, но и любовь, вера Бога в человека. В утопических конструкциях этот вопрос имеет иную постановку и не претендует на основной принцип.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вейдле В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества/ Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М.: Политиздат – 1991 – с. 366.
2. Гусейнов А. Философия как этический проект // Вопросы философии № 5– М.– 2014 – С. 16 – 26.
3. Мангейм К. Идеология и утопия / Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М. :Прогресс. 1991. С. 113 -169.
4. Смирнов К. Имманентная философия христианства// Русская мысль. - М., 1914, кн. VI. - С. 62-84.
5. Холопов И. Религиозный индивидуализм и догматы./ И. Холопов // Вопросы философии и психологии. - М., 1912. - Год XXIII, кн. 113 (III). – С. 373 – 417.
6. Шохин В. Теология. Введение в богословские дисциплины. Учебно-методическое пособие. – М.: ИНФРАН – 2002 – 122 с.

Gansova Emma Avgystovna - professor of Department of Philosophy, Sociology and Management of Sociocultural Activity of the State Institution "South Ukrainian National Pedagogical University Named after K.D. Ushynsky."

УДК 323.2:327

SOCIAL PROGRAMS AS THE WAY OF REALIZATION OF LIBERAL, CONSERVATIVE AND SOCIAL-DEMOCRATIC PRINCIPLES: COMPARATIVE ASPECT

Abstract. The article reveals some positions permitting to distinguish the systems of social security in different countries. To cover this problem the author addresses to the experience of Sweden (social- democratic regime), Germany (conservative one), the USA (liberal democracy) and Canada (mixed liberal and conservative types). The problem of employment and unemployment was described on political economical and social aspects. For comparison social orientation of Ukrainian democracy was analyzed because choosing own way of democracy Ukrainian state should be guided those realities which dictate its choice. First of all, it is economical conditions. Survey of system of economical indicators gives possibility to understand the priorities of governmental policy and design eligible model of democracy. The peculiarities of Ukrainian unemployment were marked. It was concluded that individual wellbeing and wellbeing of people must be the main aims of democratic regimes. Democratic rule denotes comprehensive participation of all citizens in creation of life conditions.